

Род знатный, словно море бездонное, да кровь родная холоднее воды. Когда-то Повелитель призраков Мэй Ванду сокрушил чертоги преисподней, а ныне — презренный гуляка, которому нет места в собственном доме. Когда насмешки становятся клинками, а ледяная вода пропитывает израненное тело, гордость и гнев в муках унижения начинают звенеть, словно сталь. Боль отверженного — это и бездна падения, и пламя перерождения.

Утро в Цзиньчэне было наполнено ленивым покоем после ночного шума и суетливым пробуждением столичной роскоши. Солнечные лучи пробивались сквозь легкую дымку, ложась на мощеную камнем мостовую и покрывая процветающий город налетом жидкого золота. На улицах разноголосыми криками зазывали покупателей торговцы, от лотков с завтраками поднимался густой пар, цокали копыта, и прохожих становилось все больше.

Жун Му — или, вернее, Жун Му, в чьем теле теперь текла душа Мэй Ванду — в одиночестве брел по шумной улице. На нем все еще был тот самый парчовый халат, в котором он вчера вышел из Западного терема: помятый, пропитавшийся запахом вина и дешевой пудры, он выглядел до крайности неуместно в этой оживающей городской суете. Прохожие, особенно те, что были одеты побогаче, узнав его, либо прикрывали рты в приступах смеха, либо бросали полные нескрываемого презрения взгляды, либо спешили отойти подальше, словно боясь коснуться чего-то нечистого.

— Гляньте, это же тот неудачник из рода Жун. Опять выполз из какой-то подворотни после ночных утех.

— Тьфу, позорит только свою фамилию.

— Тише ты, все-таки он законный наследник дома Жун...

— Наследник? Ха! Да глава дома уже давно объявил, что отрекся от этого сына!

Тихий шепот, подобно назойливому жужжанию мух, проникал в уши Мэй Ванду. Его лицо помрачнело, он смотрел прямо перед собой, стараясь не замечать этого шума. Бушующий внутри океан ярости он подавлял силой воли, оставляя лишь холодное, почти онемевшее чувство унижения. Подумать только, он, Мэй Ванду, когда-то повелевал миром призраков, и куда бы он ни ступал, тысячи духов падали ниц, а бессмертные и демоны в страхе отступали — разве мог он когда-либо представить, что будет терпеть насмешки этих ничтожных букашек?

Обрывки памяти истинного владельца этого тела всплывали сейчас с пугающей ясностью. Род Жун в Цзиньчэне — знатная семья, чтущая поэзию и ритуалы, имеющая влияние как в мире людей, так и среди заклинателей. А он, Жун Му, единственный законный сын, должен был стать надеждой семьи, но с детства рос непутевым, а став старше, пустился во все тяжкие, проматывая состояние в увеселительных заведениях и совершенно не желая постигать искусство самосовершенствования. Он стал посмешищем всего города. Самым ярким воспоминанием была вечно разгневанная, а затем окончательно разочарованная физиономия отца, Жун Хуайжэня, и тот холодный день полгода назад, когда после грандиозного скандала совет старейшин постановил: изгнать из дома, не считаясь с его судьбой, и вычеркнуть имя из

родословной.

Тогда Жун Му, казалось, не придавал этому значения, даже обрадовался свободе, став еще более разнузданным. Но сейчас Мэй Ванду отчетливо ощущал, как в глубине этого тела все еще теплится остаток боли от полного забвения семьей.

Глупо, — холодно бросил про себя Мэй Ванду, не зная, к кому относится это слово: к прежнему владельцу тела или к нему самому в нынешнем положении. Впрочем, он быстро взял себя в руки. Сейчас он был без гроша в кармане, с половиной прежних сил, а само тело было до крайности истощено. Ему срочно требовалось пристанище и ресурсы для восстановления. Вернуться в дом Жун и использовать статус наследника — пусть даже официально лишённого прав — чтобы временно укрыться и получить самое необходимое, было единственным реалистичным, пусть и унижительным выбором. Хотя он предчувствовал, что легко ему не будет.

Следуя по памяти, он прошел через несколько улиц, которые становились все шире и тише. По обе стороны высились роскошные особняки с высокими стенами, глубокими дворами и тяжелыми медными кольцами на красных воротах, подчеркивающими богатство хозяев. Наконец, он остановился перед величественной усадьбой.

Это был особняк Жун. Высокие ворота, внушительные каменные львы, наглухо закрытые алые створки, украшенные медными гвоздями размером с пиалу. На притолоке висела золотая табличка с надписью Жун, в которой едва угадывалось движение духовной энергии — вещь явно непростая. Ступени перед входом были вычищены до блеска, а по бокам стояли четверо стражников в синих доспехах. Их цепкие взгляды и выправка выдавали в них заклинателей, как минимум на стадии построения фундамента.

Это было совсем не похоже на мрачное величие дворца в мире призраков. Мэй Ванду глубоко вздохнул, подавляя бурю противоречивых чувств, и поднялся на первую ступень.

Не успел он сделать и шага, как ближайший стражник шагнул вперед, преграждая путь. Положив руку на рукоять меча, он смотрел на него с ледяным презрением и неприкрытой неприязнью.

— Стоять! Ты кто такой? — голос стражника звучал сухо и грубо.

Мэй Ванду нахмурился, подавляя желание одним движением стереть эту букашку в порошок. Он постарался сделать свой голос спокойным, добавив в него привычные для прежнего владельца тела высокомерные нотки:

— Ослеп, что ли? Своего господина не узнаешь?

Стражник окинул его взглядом с ног до головы, задержавшись на помятом халате и бледном, одутловатом лице, после чего на его губах заиграла насмешливая улыбка:

— О? Кого я вижу. Это же наш господин Жун. — Он выделил слово господин с таким сарказмом, что оно прозвучало как оскорбление. — Что, хмель после Западного терема еще не выветрился? Адресом ошибся?

Остальные стражники тихо заржали, глядя на него как на кучу мусора.

Сердце Мэй Ванду сжалось. Положение прежнего владельца в этом доме было даже хуже, чем он думал. Его лицо похолодело, а голос стал жестким:

— Хватит болтать! Я возвращаюсь в дом, прочь с дороги!

— Возвращаешься? — стражник рассмеялся, словно услышал лучшую шутку в жизни. — Жун Му, ты забыл, что сказал совет старейшин полгода назад? В доме Жун для тебя места нет! Ты не заслуживаешь даже порог этот переступить!

— Ты! — в глазах Мэй Ванду блеснула угроза, и на мгновение из него вырвалась частица ледяной ауры Повелителя призраков. Стражника пробрал холод, словно на него уставилось само исчадие ада. Он невольно отступил на полшага, на лице отразилось смятение.

Но в этот момент боковая калитка со скрипом отворилась, и оттуда вышел представительный мужчина средних лет с козлиной бородкой — старший привратник по фамилии Ли. Он явно слышал шум снаружи и теперь вышел с фальшивой улыбкой на лице, хотя его глаза оставались холодными и расчетливыми.

— Ой-ой, кто это тут у нас шумит? Неужели молодой господин Му? — привратник Ли сложил руки в приветственном жесте, но выглядело это до крайности пренебрежительно. — Что привело вас сюда в такую рань?

Мэй Ванду уставился на него и холодно произронил:

— Привратник Ли, мне нужно видеть отца.

Улыбка мгновенно сползла с лица Ли, сменившись официальной холодностью:

— Молодой господин... то есть, Жун Му. Глава дома приказал: вы больше не принадлежите к роду Жун и не смеете переступать порог. Глава занят делами и не станет тратить время на таких... случайных людей. — Он помолчал, повысив голос, чтобы все слышали: — Возвращайтесь туда, откуда пришли! Не позорьтесь сами и не ставьте нас в неловкое положение.

Не давая Мэй Ванду возможности ответить, он махнул рукой стражникам:

— Чего стоите? Глава велел: если начнет приставать, не докладывать, а гнать взашей! Если окажет сопротивление — ломайте ноги и выбрасывайте прочь!

Стражники, получив приказ, больше не церемонились. Они окружили его с оскаленными лицами, намереваясь схватить. Хотя их уровень силы был невелик, для изможденного разгульной жизнью и слабого духом юнца этого было более чем достаточно.

— Наглецы! — Мэй Ванду пришел в ярость. Тигр оказался в низине, и собаки смеют его кусать! Разве он когда-либо терпел такое унижение? Частица его духовной силы вскипела, готовясь вырваться наружу. С его нынешними способностями уничтожить этих охранников было проще простого!

Но в тот самый миг, когда энергия была готова сорваться, он заставил себя остановиться.

Нельзя.

Если он применит силу сейчас, то лишь на миг удовлетворит гнев, но последствия будут катастрофическими. Как только откроется его истинная мощь, это вызовет переполох. Хотя род Жун и не был вершиной мира, они имели связи с сектами заклинателей. Если начнут расследование, его тайна перерождения раскроется в два счета. А если об этом узнает Се Мовэй... Последствия он боялся даже представить.

Кто не умеет терпеть малое, тот погубит великое дело.

Эта мысль, словно ледяная вода, погасила пламя его ярости. Он сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони до крови, подавляя порыв, и позволил стражникам грубо схватить себя за руки и стащить со ступеней.

Он споткнулся и едва не упал, но устоял. Его одежда была окончательно разорвана, вид он имел жалкий.

Привратник Ли стоял на высоких ступенях, глядя на него сверху вниз с насмешкой и удовольствием, словно наслаждаясь представлением. Он медленно принял у слуги медный таз с ледяной водой, только что поднятой из колодца.

— Жун Му, — голос Ли звучал с издевкой, — по старой памяти, умойся, протрезвей! И больше не приходи — род Жун не может позволить себе такой позор!

Не успел он закончить, как взмахнул рукой, и целый таз ледяной воды выплеснулся прямо на Мэй Ванду.

— Плеск!

Холод мгновенно пропитал его тонкий халат, пробирая до костей и заставляя вздрогнуть. Капли воды стекали по волосам и лицу за шиворот, холодные и липкие. Мокрые волосы прилипли ко лбу, придавая ему еще более жалкий вид. Дорогая ткань халата, намокнув, облепила худощавое тело, подчеркивая его хрупкость.

Стражники и привратник Ли разразились хохотом. Даже прохожие поодаль начали тыкать пальцами и перешептываться.

Мэй Ванду стоял неподвижно. Он не стал вытирать лицо, лишь медленно — очень медленно — поднял голову.

Черт возьми! Когда я, Повелитель, терпел подобное унижение?

Капли воды стекали с его ресниц, затуманивая взгляд, но его глаза — сквозь мокрые пряди — смотрели на закрытые алые ворота, на торжествующие лица на ступенях, а затем на этот шумный и холодный город.

В этом взгляде больше не было ни растерянности Жун Му, ни его гнева, ни обиды.

В нем была запредельная холодность, бездонная тьма и мертвая тишина, способная заморозить саму душу.

Унижение? Да, чудовищное! Сильнее, чем когда в прошлой жизни он сталкивался с холодным взглядом Се Мовэя, когда его осаждали секты или когда он пил отравленное вино. Потому что это унижение исходило от ничтожных смертных, которых он презирал, от семьи, с которой его связывала кровь, холодная, как железо.

Гнев? Да, испепеляющий! Он горел в его груди, готовый сжечь остатки его души.

Но под слоями унижения и гнева скрывалось нечто иное — ясное и глубокое осознание: он отвергнутый.

Он, Мэй Ванду, вернулся в этот мир, лишившись сил, лишившись своих сокровищ, а теперь — лишившись даже самого простого крова, где можно было бы укрыться от ветра и дождя.

Впервые он так отчетливо понял, что значит остаться в одиночестве, преданным всеми, в тупике.

Это чувство было острее ледяных ветров преисподней и ядовитее любого зелья.

Однако именно в этом холоде и отчаянии начало формироваться нечто твердое и безумное.

Его спина, под воздействием ледяной воды и презрительных взглядов, выпрямилась.

На губах едва заметно дрогнула холодная усмешка.

Что ж.

Род Жун, Цзиньчэн... и весь этот мир, с виду процветающий, а на деле такой ледяной.

Сегодняшнее унижение он запомнит навсегда.

Эта ледяная вода, вылитая на него при изгнании, погасила не только его последнюю надежду, но и разожгла в сердце неугасимое пламя мести и амбиций.

Он в последний раз посмотрел на величественную табличку Жун, словно высекая эти два иероглифа в самой глубине своей души. Затем, развернувшись, он потащил свое тяжелое, промокшее тело прочь, шаг за шагом уходя в шумную толпу, не оглядываясь назад.

<http://bllate.org/book/18805/1828727>